

. . . я Льва знал с 56-го . . .

Гамалей Евгений Георгиевич .

Выпускник Физфака МГУ 1958 г. С 1958 по 1973 год работал в теперешнем Всероссийском Ядерном Центре или Всероссийском Научно-исследовательском Институте Технической Физики в Снежинске - ВНИИТФ (бывший Челябинск-70, двойник Сарова). Доктор физико-математических наук. В настоящее время живет и работает в Австралии.

". . . я вообще то к высокой физике отношение имею слабое, в виде обычного любопытства, поскольку всю жизнь занимаюсь прикладной физикой, правда разнообразной: от бомбы вначале до микро-взрыва, вызванного наноджоулем от 100 фемтосекундного лазера в сапфире (сейчас)". . .

Ниже следуют выбранные места из электронной переписки, начинающиеся с детства Е.Г. в прифронтовой полосе.

. . . Тут на днях была передача по ТВ под названием "Последний военный Кристмас". В частности, рассказывалось о маленькой немецкой деревушке, в которой в конце 44 года собралась одна семья, уехавшая из близкого к месту боевых действий города. Идиллия: снег, тишина, стада овец, украшенная елка, подарки, неплохой стол. И вдруг бомбежка: американцы вместо авиационной базы по ошибке сбросили бомбы на эту деревню. Погибают дети - ужасно.

Через некоторое время Женя говорит: "Я думал это уже ушло навсегда, ан нет. Мы в это время ели лепешки из шкурок мороженой картошки, смешанной с опилками,

смотрели на повешенных, не знали ни отцов, ни матерей, а у них - овечки, булочки, елочки. Детки читают письмо от отца, который пишет, что скоро он врага разобьет, и все будет ОК. Детей, конечно, жалко - но..." Такие дела. . .

. . . еще помню 41-43 годы в Курской области под оккупацией, и немцев живьем (одного я помнил в лицо лет 25, того кто забирал у нас в доме единственные сапоги) и повешенного старосту, и расстрелянного учителя в женском платье, и потом как мы, мальчишки, стреляли из автомата положив его на труп немца и много чего еще. . .

. . . о самом Крещении у меня сильное детское воспоминание то ли января 43 го то ли 44 года. Курская область, город Суджа, река Оскол, 19 января, яркий морозный солнечный день. Мороз видимо сильный (градусов мы тогда не меряли - нечем было) т.к. на льду масса народу, и лед толстый, поскольку народ держал и никто не провалился. Обстановка праздничная - весь лед заплыван семечной шелухой. Во льду вырублена прорубь в виде креста. Сначала попы макают кресты в воду - святят. Потом мужики-добровольцы ссыпают одежду и остаются в одном исподнем - белые рубахи, белые подштанники, при большом восторге зрителей, и, осенив себя крестом, сигают в прорубь, туда и обратно. На льду их принимают в бараньи тулупы до пят, ну и натурально по стакану самогону. Народ в восхищении и одобрении. Вся эта картина вот уже сколько лет у меня перед глазами, смешавшись позже с похожими у Сурикова и Кустодиева. . .

. . . Насчет мужиков в прифронтовых деревнях: их было мало и все они были с каким либо увечьем. Но вопрос о здоровье тогда как то не стоял. О выживании, да! Я сам в тифу без сознания пролежал 16 дней, выжил. А за стакан самогону окунуться на минуту в прорубь, да на народе, на это, думаю, много было желающих, и среди баб тоже. . .

. . . тогда много чего бывало сильно нетипичного. Например, в моей группе в МГУ учились сын зав. отделом ЦК, в квартире которого на Староконюшенном 19 (дом ЦК) и на даче в Серебрянном бору я бывал не раз, сын врача, который подписывал заключение о смерти Сталина (у него дома я был в первых числах марта как раз в это время), сын генерала Рясного из личной охраны Сталина, дочь тогдашнего пред. Моссовета Яснова.

Все эти квартиры, где жили мои коллеги, были далеко за пределами моего представления об обычной жизни, примерно как фильм "Кубанские казаки". У меня тогда были одни штаны, мариупольская челка и вид урки. И в таком виде на ЗИС 110 я с моим приятелем, сыном зав. отделом, приезжали в Большой к центральному входу, и ливрейный швейцар под белы руки проводил нас в царскую ложу. Там мы сидели окруженные сыто рыгающими генералами, что меня жутко возмущало, как профанация святого искусства. Таким образом я посмотрел, среди прочего, Бахчисарайский фонтан где танцевали Уланова-Мария и совсем молодая Плисецкая-Зарема. А дачи! Там было все и бесплатно, коммунизм по тогдашним представлениям, если только тебя пускали за ограду.

. . . Я помню как я обалдел со всем моим пиететом к книжкам, увидев прямо на полке в квартире Рясного на Горького книгу 17 века. Как выяснилось хозяин то ли не знал то ли забыл, что такая книга там стоит - книг то стояла тьма. . .

. . . во время решения Большой задачи первые люди имели все что можно было тогда вообразить и напрямую, без денег, за которые купить ничего существенного было нельзя - в коттеджах Сахарова, Харитона я бывал и у других, пониже, тоже. Когда я в

64 г решил купить машину, на которую денег не было, я пошел к начальнику, академику и генералу, и попросил займы почти полную сумму на два года. Начальник, очень хороший человек и ученый, с которым я тогда по работе много взаимодействовал, на эту наглость ответил просто:

- Помогу, помогу, - открыл сейф, и вручил мне искомое. До сих пор не могу без стыда вспоминать это, и как потом отдавал (он не спрашивал, разумеется) из последних сил. Но тогда это было в порядке вещей.

. . . Генерал и академик - это Евгений Иванович Забабахин, научный руководитель (1960 -1984) теперешнего ВНИИТФ. Исключительно образованный, талантливый и оригинальный человек, создатель советской (им придуманной, а не краденой) атомной бомбы, что признано его более известными широкой публике коллегами (Сахаров, Зельдович, который его и открыл). Первые пару-тройку лет я тесно взаимодействовал с Е.И. Забабахиным, и влияние он на меня оказал большое. Фото у меня с ним нет. Когда я купил машину на занятые у него деньги, то мне подарили альбом с описанием Москвича, на котором все сов.секретные сотрудники тогдашнего теоротдела с Забабахиным во главе, расписались: 5 героев соц. труда, 15 ленинских лауреатов . . . То еще собрание автографов! Но в вихре жизненного вальса все где то затерялось.

. . . я Льва знал с 56 го- он был фактическим руководителем моего диплома (формально был Е.С. Кузнецов): "Численное решение интегрального уравнения для замедления нейтронов в случае сечений произвольно меняющихся с энергией"-как то рукопись приехала даже сюда в Австралию. Я помню что ходил даже на БЭСМ-1 (она была на лампах а память на ферритах), но уже была Стрела-1 в ОПМ. Конечно весь счет на машине сделал Лев -я накропал какие то оценки и уравнения. Это было мое последнее более менее интимное отношение с компьютером. С тех пор я пишу уравнения, делаю аналитику, когда возможно, а более сложные численные решения делают коллеги, когда ответ мне качественно (или полуколичественно) уже известен.

Лев уже тогда был центром компании: шутки, розыгрыши, стихи. Эта атмосфера осталась в моей памяти.

Например, надпись на подаренной мне много позже, в 60е, книге Хемингуэя: "Большой и современный сей роман / пускай тебе настольной станет книгой. / Не покупай себе кровать-диван, / а то опустишься как некто Фигов" Фамилия была другая, но этот человек тоже умер и мне не хочется его дух зря тревожить.

У этого стиха есть своя небольшая предистория: рассказывая тогда же Льву про что то (то ли про машину то ли про холодильник, в общем про нечто вполне обыденное) я употребил не к месту определение "Большой и современный", что можно было бы счесть за надувание щек, за что и получил немедленно в надписи на книге. Кстати со мной здесь есть другая подаренная Львом книга: Киплинг, Простые рассказы из Индии (на англ) с простой надписью на англ. Как она уцелела во время всех моих передряг - ума не приложу, но уцелела и с нами.

Или как он мои неумеренные юношеские восторги по поводу впервые услышанного Болеро Равеля (57г) так вышутил, что на всю жизнь отбил охоту к сентиметальным "сладким слюням".

Насчет Болеро Равеля могу добавить, что я ведь приехал в Москву из Мариуполя 100% провинциалом с "тоской по мировой культуре", что Лев, столичный человек, отлично понимал и чему способствовал: мы бывали вместе и на концертах, и многое обсуждали и до и потом. . .

. . . как то я спросил Льва про одного нашего давнего общего знакомого, которого мы оба знали с университетских времен: как он к нему относится? На что Лев

ответил так: " На встрече нового года (это было до 53 года конечно) с последним ударом часов он (имярек) встал и сказал: Наш первый тост за горячо любимого товарища Сталина! Мое отношение тогда и образовалось и не изменилось". . .

. . . на самом деле непрерывного общения со Львом у меня было всего около года: с середины, может быть ближе к началу, 57-го до марта 58. Попал я в ОПМ, тогда Отдел прикладной математики, случайно. Так оказалось, что моя преддипломная практика у Дорфмана в Троицке, в Институте земного магнетизма, ни к чему не привела и я оказался в ОПМ у профессора Евграфа Сергеевича Кузнецова. Он был тогда, видимо, во главе нейтронных расчетов в стране, или близок к тому, потому что народ из Обнинска, в частности, молодой тогда (около 32) доктор наук и начальник отдела, Гурий Иванович Марчук, будущий президент АН СССР и народ из более секретных мест толкался у него довольно часто. Он и предложил мне тему диплома: "Численное решение интегрального уравнения для замедления нейтронов в случае сечений произвольно меняющихся с энергией". Речь шла о численном расчете известных интегральных уравнений но с учетом резонансов в сечениях. Физика была только в выводе уравнений, и я помню что исходные статьи и отчеты я прочитал с интересом и удовольствием. Но основная задача заключалась в применении некой разностной схемы, написании программы, и получении чисел на машине - все это для меня было абсолютно неизвестным потому что я никогда подобным не интересовался.

Здесь нужно немного сказать о том времени, потому что это было время, когда ЭВМ только-только входили у нас в жизнь, Стрела работала в ОПМ, и БЭСМ-1 еще функционировала в Институте Механики рядом с ФИАНом. Кстати посещение БЭСМ-1 (одно время предполагалось что считать я должен был бы на ней) - это одно из сильных впечатлений тех времен. Представь себе зал длиной в несколько десятков метров уставленный рядами металлических стеллажей, на полках которых стоит огромное число мигающих электронных ламп. Вдруг машина остановилась - стоп! в чем дело? И спец бежит вдоль стеллажей находит и заменяет сгоревшую лампу, и произвольное, но непрерывное мигание возобновляется - очевидное свидетельство прогресса. И помню как мне с гордостью показывали потрясающее достижение: память на лампах (много-много стоек) была заменена памятью на ферритах- одна-единственная маленькая стоечка (2.5 x 3 x 2м) стоит в почти пустом помещении. Увы, я не помню, какая это была память - наверняка смешная по теперешним понятиям.

Появилась потребность в новых специалистах: людях, понимающих физику, способных разрабатывать новые численные схемы для решения уравнений, пригодные для счета на ЭВМ, писать программы и получать осмысленные результаты со все возрастающей точностью. Я думаю теперь, что Лев был в числе первых в стране понявших важность этой деятельности и выбравшим ее как дело всей его жизни.

Так я познакомился со Львом и Тamarой и еще с целым рядом хороших людей которых запомнил на всю жизнь, а со многими потом и много лет сотрудничал (Сергей Курдюмов, П.П. Волосевич и др).

Фактически моим руководителем с самого начала оказался Лева. Я не помню может быть Евграф Сергеевич его назначил, но мое ощущение всегда было что я просто прилепился ко Льву по человеческому принципу. Я не помню, когда Лев и Тамара поженились, но я всегда воспринимал их только вместе. И по зрелом размышлении сейчас я вижу, что он был и моим первым учителем, однако учителем в несколько еретическом смысле этого слова: все время пока он учил меня как нужно правильно делать численные расчеты и общаться с машиной, я все яснее понимал, что это и есть дело, которым я меньше всего хотел бы заниматься в моей жизни. И к концу диплома я уже точно знал: работать в этой области я не буду, это не по мне. После окончания диплома Г. И. Марчук долго уговаривал меня пойти к нему в Обнинск

продолжать эту деятельность, даже в МСМ приезжал, который меня наряду с другим народом, отправлял (и отправил) в "ящик". Он никак не мог понять причин моего упрямства, да я наверное тогда и сам не мог бы это ясно сформулировать. Но я вижу теперь, что решение оказалось правильным, во многом благодаря Льву. . .

. . . еще один момент, связанный с дипломом, характеризует обстановку в МГУ тех лет. Рецензентом дипломной работы у меня был профессор А. А. Власов, выдающийся физик - уравнение Власова, диэлектрическая проницаемость плазмы и т.д., о чем я узнал много позже. А в то время даже не пришло в голову, с каким ученым можно бы было пообщаться: если бы юность знала.... А тогда его не любил Ландау, наш кумир. Поэтому, отношение к нему было соответствующее: подумаешь какой-то Власов! (Вспомни Стромынкина: "... был запросто к Ландау вхож, ДД не ставил ни во грош...").

. . . (потом) встречи были нечастые и у меня особых впечатлений не осталось. Помню только что Лев скептически относился к лазерному синтезу, которым я тогда занимался, но прямо это никогда не высказывал.

. . . Жена, правда, говорит, что все это к Льву отношения не имеет (что правильно) и что я тут выпендриваюсь, себя приукрашивая. Так что может все это и не стоит в воспоминания о Льве включать. Решай сам, если это комунибудь интересно как фон времени.